

Ася Александровна. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://seminvitaly.ru/> приятного чтения!

Ася Александровна. Виталий Николаевич Сёмин

1

Пожилая секретарша, которую я принял за руководителя кафедры, сказала мне, что в Москву я поторопился, что мне надо ждать еще дня два, пока моя работа будет окончательно рассмотрена. Она дала мне свой номер телефона:

– Позвоните в конце недели.

Шестизначный номер она произнесла так же быстро, как у нас в городе произносят четырехзначные. Я не запомнил.

– Мне проще прийти к вам, – сказал я. – Я ведь только за этим и приехал.

Секретарша пожала плечами.

От института до станции метро можно доехать автобусом или троллейбусом, но я еще не доверял автобусам и троллейбусам многочисленных московских маршрутов. Я пошел пешком. В метро из автомата позвонил приятелю в подмосковный городок. И хотя года три мы с ним не встречались, он сразу узнал мой голос. Это обрадовало меня, показалось хорошим предзнаменованием.

– Ничего не спрашиваю, – кричал приятель, – приедешь – расскажешь. Не забыл, как ехать? Платформа «Сорок восьмой километр». Ждем тебя сегодня, Обязательно сегодня.

В конец концов все складывалось хорошо. Работа моя имела солидные рекомендации, и даже то, что я приехал на два дня раньше, получалось кстати: жена приятеля – именинница.

Часа два я бродил по магазинам – искал подарок – и уж совсем было собрался ехать, но решил сменить рубашку и галстук.

Остановился я у дальнего родственника, заходить к нему в большую коммунальную квартиру мне лишний раз не хотелось, но делать было нечего. Ключ в замочную скважину, чтобы не привлекать внимания соседей, я вставил осторожно, но, словно меня караулили, в коридоре тотчас открылась дверь. Я аккуратно вытер ноги о половичок, независимо прошагал к своей комнате.

– Телеграмма вам, – сказали сзади меня. – В ручке.

И когда я поднес к глазам листок белой бумаги, добавили:

– Плохая.

А я еще и ещё раз, как чужие, не мне адресованные, пробежал глазами слова: «Вчера ночью умер отец. Немедленно выезжайте». И подпись: «Ася Александровна».

Потом я лихорадочно звонил на аэродром, ехал в метро, ловил на площади Революции такси, пробивался на аэровокзале сквозь толпу к окошечку диспетчера, протягивал кассиру через чьи-то спины и головы свою телеграмму и наконец вылетел вечерним самолетом. Место мне досталось у окошка, я смотрел на освещенную часть крыла, на искры, отрывающиеся от моторов, и старался не думать об отце. Я знал: прилечу к двенадцати, к часу ночи подъеду к его дому, поднимусь на третий этаж – и тут-то это и произойдет. То, ради чего Ася Александровна, жена отца, которую я не любил и которую до недавнего времени мало знал, вызывала меня из Москвы.

Около полуночи нам предложили привязаться к креслам. Как всегда во время спуска, пришло ощущение полета, крыло ненадежно повалилось набок, огни города стали в уровень – с окном, к реву моторов прибавился свист. Потом, оглушенный быстрым переходом к земной тишине, со странным недоверием прислушиваясь к многочисленным живым звукам аэродрома, я медленно шел со всеми по бетонным плитам, покорно ожидал автокар с прицепами, которым нас должны были перевезти от самолета к вокзалу, зачем-то долго стоял у витрины запертого киоска «Союзпечати»...

Ася Александровна. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
Было около двух ночи, когда я вышел из аэропортовского автобуса у дома отца. На третьем этаже, в окнах его комнаты, горел свет. Это был с детства знакомый мне сонный свет настольной лампы с толстым зеленым абажуром – отец зажигал ее, когда в доме укладывались спать.

Я взбежал наверх, потянул к себе дверь – почему-то думал, что она будет открыта, – и позвонил.

Где-то в глубине комнаты шаркнули, и будничным, вселивший секундную надежду голос Аси Александровны спросил:

– Кто там?

Я назвал себя, и дверь распахнулась стремительно, излишне стремительно – я боялся, что она так и распахнется специально для меня, – Ася Александровна всплеснула руками, ткнулась мне в плечо, тотчас же отстранилась, всхлинула и тут же быстро вытерла сухие, внимательные, испуганные глаза. Она увела меня на кухню и там, сбиваясь с необычного, не объединившего, нас «ты» на «вы», глядя на меня все теми же сухими, внимательными, испытывающими глазами, стала рассказывать, как это произошло. Она всегда воевала за отца против меня, против соседей, против врачей, против моей мамы, с которой отец развелся лет двадцать пять назад. Сейчас она воевала против врача «скорой помощи», который поздно приехал и все сделал не так. Я думал о том, что мне вот-вот нужно войти в комнату, освещенную зеленой лампой, и потому неприязненно удивлялся ее сухим глазам, ее памяти на детали, которые казались мне сейчас оскорбительно несущественными, ее мнительной ненависти к врачу «скорой помощи», который ничего не смог или не сумел сделать. «Это он убил отца!» – говорила она и требовала – не прямо, но выходило это само собой, – чтобы я, сын, мужчина, сделал то, что не под силу ей – наказал бы, добился, чтобы наказали этого врача «скорой помощи». И все это перемежала воспоминаниями: в последние дни у отца было много гостей – «чувствовали, приходили прощаться». И я, словно чувствовал, пришел попрощаться перед отъездом в Москву, хотя это и не в моем обычае.

Потом она повела меня в комнату, которая давно стала мне чужой – еще с тех пор, как с появлением Аси Александровны на ее холостяцкую, привычную мне чистоту как бы наслаивались настенные коврики, вышивки, салфеточки и где сейчас на раздвинутом обеденном столе лежало что-то неподвижное и страшное, накрытое белой простыней.

Я думал, что теперь Ася Александровна по-настоящему заплачет, разрыдается. Но она не заплакала. Она надела тонкие, прозрачные медицинские перчатки, аккуратно отвернула простыню, и я увидел мертво запрокинутую – под нею не было подушки – маленькую, пепельно-седую голову. Ася Александровна желтыми резиновыми ладонями пригладила тонкие волосы отца, поправила воротник рубашки, строго наглаженный и затянутый галстуком, сильным, привычным движением, как это делают портные на примерке, одернула лацкан пиджака, сняла с него несколько белых ворсинок. «Марлей покрывали», – будто извиняясь, сказала она. И вообще она заботилась о том, чтобы отец показался мне прибранным, красивым, и всячески подчеркивала, что теперь последнее слово за мной, что без меня она не может решить, когда быть похоронам; кого пригласить, в какой костюм одеть отца. В ее голосе появилась трещинка – вот-вот прорвутся рыдания, но рыдания не прорывались.

Ася Александровна говорила о том, что могила уже выкопана и все остальное уже сделано: и медицинские и гражданские справки, и гроб и цветы заказаны, и денег местком с бывшей работы отца немного выделил, и что мне остается только найти оркестр и ковровые дорожки на машину. Я не предполагал, что похороны такое хлопотное дело, и опять неприязненно удивлялся тому, что Ася Александровна все так хорошо помнила, так много успела сделать, а главное – так беспокоилась из-за совершенно показного: как повезут отца, кто придет его «проводить» и какие принесут цветы.

Когда я коснулся губами скрещенных на груди рук – чистых и холодных, как будто отец, всю жизнь боявшийся заразы, только что их вымыл, у меня тоже не было слез – одно удушье. Ася Александровна снова заговорила о враче «скорой помощи», а я смотрел на истаявшие черты, на странно утончившийся, опавший к верхней губе нос, на восковое спокойствие век и щек и думал, что давно уже, много лет назад, после первого приступа тяжелой болезни, которая открылась у отца сразу после войны, я заметил признаки его сегодняшнего смертного выражения. Вот эти грязно-зеленые

Ася Александровна. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
прожилки на лбу, пепельно-восковые пятна под веками и на щеках, вот эти
обозначившиеся косточки над запавшими глазами.

Ася Александровна накрыла отца простыней и увела меня на кухню.

– Идите домой, Игорь, все равно уже ничем не помочь, – устало и как-то примирительно сказала она мне. – Вы намучились за дорогу, вам надо отдохнуть.

– А вы?

– Я с ним тут. – И добавила, чтобы мне было легче решать: – Спать захочу – пойду к соседям. Они мне ключ оставили. Со мной сестра дежурит, она сейчас у соседей прилегла отдохнуть.

2

Они зарегистрировались лет через пять после войны в возрасте, когда, как мне в ту пору казалось, нормальные люди уже не женятся. Я никак не мог примириться с тем, что в комнате отца появилась худая, напудренная, молодящаяся новобрачная, на которую мне было стыдно смотреть именно потому, что она новобрачная. У меня и раньше с отцом были сложные отношения, а тут он отобрал у меня ключи от квартиры – «я теперь не один», – несколько раз настойчиво выговаривал: «Будь вежлив». Мне казалось страшным унижением как чужому звонить у дверей, за которыми я родился, и я перестал ходить к отцу. Он принял это равнодушно, даже с облегчением, хотя раньше оскорблялся, если я не приходил хотя бы раз в неделю. Но Ася Александровна не согласилась на наш разрыв. Когда месяца через два я зачем-то зашел к отцу (отец спросил безразлично: «Ты?») – и ушел, предоставив мне самому закрывать дверь), она сказала: «А отец вас ждал. Нервничал!»

Она пренебрегла моей неприязнью. Не согласилась она и на нейтралитет. Она добивалась, чтобы я обязательно приходил по воскресеньям и праздникам, и с первых же дней научилась обвиняюще произносить: «Отец ждал, отец нервничал». И вообще в наших отношениях с отцом она постепенно почти полностью заслонила отца, словно взяла на себя заботу о его симпатиях и антипатиях и как-то углубила и обострила их. Она возродила старую заглушенную за давностью лет – среди которых пять лет войны! – ссору отца с моей матерью, довела до ссоры довольно обычную «коммунальную» холодность между отцом и соседями. Ее желчная худоба, ее претензия на молодость поначалу казались мне следствием долгих лет одиночества, послевоенной бедности, но потом я стал думать, что Асю Александровну просто сжигает гордость.

– Ты же знаешь, – сказал мне как-то двоюродный брат, – ее первый муж был важной фигурой. Председатель горисполкома... – и он назвал один из крупнейших городов на Украине, – она у него секретаршей была, а потом стала женой. Он был лет на двадцать старше ее. Умер во время войны.

В пятьдесят третьем году я ушел из института. Именно тогда, как мне казалось, мы окончательно разошлись с отцом. Отец яростно осудил меня, и когда мне пришлось уехать из города, я не пришел к нему проститься и два года ничего ему не писал. Вернувшись в город, я тоже долго к нему не ходил, пока случайно не узнал, что он в больнице, что новый приступ его тяжелой болезни лекарствами погасить не удалось – то, что последние годы висело над ним постоянной угрозой, свершилось: ему отняли ноги.

...Хирургическое отделение напоминало госпиталь военного времени; в коридоре было людно и шумно, а я ступал на цыпочках, отсчитывал номера на дверях палат и облегченно вздрагивал – еще не та, еще не эта! Номер на дверях палаты отца я не успел разглядеть – заметил в комнате Асю Александровну. Она кивнула мне: «Здесь», я вошел и сразу же увидел глаза отца. Господи, какие это были глаза! Будто их калили, калили и перекалили! Они были черные, хотя от природы отец голубоглаз, и неподвижные. Я шел к нему через палату, а он следил за мной своими налитыми чернотой, неподвижными глазами, словно собирался крикнуть: «Да как ты после всего смеешь!» Но когда я остановился рядом с ним, он терпеливо и вяло – ему это было трудно – разделил сморщенные, подгоревшие губы и сказал, будто прощая мне то, что я с ним сделал:

– Ничего.

И закрыл глаза.

– Идемте, – шепотом сказала Ася Александровна. – Ему нельзя волноваться.

Мы вышли в коридор, и она расправилась, оживилась – должно быть, отсидела себе и ноги, и поясницу, и плечи. Даже халат на ней расправился и стал франтоватым.

– Вы давно в городе?

Я сказал, что скоро две недели.

– А я слышала, что вы уже месяц здесь, – уличила она меня.

Впрочем, больше явить она не стала. Она была рада мне, рада пройти по коридору, размяться. Она рассказывала, как это началось, как она добивалась, чтобы ей разрешили жить в больнице. Разрешения ей такого, конечно, не дали, никому не дают, но вот уже целый месяц закрывают глаза на то, что она здесь днем и ночью.

– Нельзя ли нанять сиделку? – предложил я.

– Сиделку! – возмутилась Ася Александровна – Отец ночью придет в себя, а рядом чужой. И в палате ко мне привыкли. Сестру не дозовешься, а я всегда рядом. Да и вообще ко мне тут привыкли. Даже обед стали приносить на меня. А отдохнуть захочу – вы меня смените. Так? – И она испытующе посмотрела на меня.

Странное у меня было ощущение. Всегда упорно, даже назойливо молодившаяся Ася Александровна, несомненно, помолодела. И двигалась она быстро, и с каким-то победным удовольствием здоровалась со встречаемыми врачами и сестрами, и говорила возбужденно. Со мной она попрощалась дружелюбно и ушла по коридору легким, быстрым шагом, так что даже полы халата у нее развевались на ходу. А ведь она тоже очень больна: у нее необычная, казавшаяся мне раньше придуманной болезнь – лабиринтит – и серьезная, много раз осложнявшаяся на моей памяти болезнь крови.

3

Месяца два прожила Ася Александровна в больнице с отцом, а в начале мая состоялось их торжественное возвращение домой. В больничном садике студенты мщединститута в тот день вскапывали землю. Земля перестояла, пересохла, от нее шла пыль, сквозь голые ветки акаций солнце палило по-летнему, а в тени больничного корпуса еще было холодно и сыро. Холодно, темно и сыро в этот первый яркий весенний день было и в больничном вестибюле, поэтому все встречавшие отца стояли во дворе, смотрели на студентов, шурились на солнце, на черные прыгающие точки, которые появляются в глазах в такой вот яркий, солнечный день. Говорили о загородных садах – кто-то недавно взял землю под загородный сад. – о том, что весну в городе только и увидишь, когда случайно вырвешься с работы на час-другой, а так и не заметишь, как она пролетит. Говорили о том, что после этой войны роковой возраст для мужчин – шестьдесят лет, что отцу еще повезло, такую операцию перенес и жив остался. Говорили об Асе Александровне, о том, как ей придется теперь.

Сама Ася Александровна, больнично-бледная в темном зимнем пальто – пришла в нем сюда еще зимой, – выбегала на минуту во двор посмотреть, не пришла ли санитарная машина, передавала халаты мне и моему двоюродному брату – мы должны были вынести отца на улицу – и опять убежала в больницу. Санитарная машина где-то задерживалась, я предложил Асе Александровне вызвать такси, но она наотрез отказалась: такси не годится. Наконец санитарная пришла, отца, только что научившегося сидеть, побритого, причесанного, в сером костюме, покатали по длинному коридору к приемному покою. Мы с братом на скрещенных руках – носилки показались ненужно громоздкими – вынесли его на майское солнце, усадили на переднее сидение рядом с пожилым, снисходительным, привыкшим ко всему шофером, подождали, пока Ася Александровна попрощается с врачами, сестрами и больными, и наконец поехали. Ехать было всего два квартала.

У дома отца машина вывернула на тротуар, к самому парадному, Ася Александровна в расстегнутом пальто, с косынкой в руках – сняла ее на ходу – торопливо пошла впереди нас с братом, распахивая перед нами двери. С каждой новой ступенькой брат слабел, я чувствовал, как потели и разжимались его пальцы, державшие мою кисть, а когда мы поднялись наверх и, придавливая себя и отца, протиснулись сквозь квартирные двери, оказалось, что посадить отца вроде бы и некуда, так все здесь было по-старому. «Ну вот и дома!» – слишком уж бодро сказала Ася

Ася Александровна. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
Александровна, увидела наши напряженные, потные лица, крикнула: «Сейчас!» – и бросилась разбирать постель.

Родственники и знакомые, вошедшие вместе с нами, стали прощаться – отец должен отдохнуть. Стали прощаться и мы с двоюродным братом – нас ждут на работе.

– Идите, идите, – отпустила нас Ася Александровна.

Мы ушли, а она осталась с отцом одна. Я появлялся по воскресеньям, иногда, по вызову Аси Александровны, приходил в будни, чтобы отвезти отца в больницу на очередное исследование, а все остальное время она оставалась с отцом одна. С отцом, с его врачами, с его больным желудком, с его истрепавшимися нервами, с его страхами и упорным желанием выздороветь, стать на протезы, которые были ему уже не по силам.

А на первый же праздник – кажется, это был ноябрь – к отцу собрались родственники, друзья из его старой компании, которые по довоенной еще традиции собирались на все праздники вместе. Отец, чистый, причесанный, в чистой рубашке, как ухоженный, присмотренный ребенок, сидел во главе стола, и стол, уставленный бутылками, тарелками, селедочницами, выглядел почти таким же нарядным, как в те дни, когда отец был здоров, работал и получал неплохую зарплату. Только сыр и колбаса были уж слишком тонко нарезаны и уж очень хитро, веером, разложены по тарелкам. И вино в бутылках с сохранившимися фабричными этикетками было домашним. И каждая селедка, разрезанная вдоль, лукаво была разделена на две.

На звонки гостей Ася Александровна выходила из кухни в переднике, запястьем подавала руку, жеманно подставляла щеку – губы в жиру – под поцелуи женщин, жеманно говорила:

– Дела? Разве вы не знаете? Лучше всех! У меня всегда лучше всех... Здоровье? Разве у такой молодой женщины, как я, спрашивают о здоровье? Лучше всех, конечно, лучше всех!

Отцу в крохотную рюмку-мензурку налили разбавленного спирта, на терелку ему положили какой-то несоленый диетический салат. Ася Александровна тоже ела что-то невкусное, диетическое и вообще за стол почти не присаживалась – то и дело отлучалась на кухню, выходила к запоздавшим гостям и каждому гостю говорила, что дела у нее лучше все, что женщина она молодая и что здоровье у нее прекрасное.

И на Новый год, и на Первое мая, и на день рождения отца, и на день рождения Аси Александровны отец, как чистый, ухоженный ребенок, сидел во главе стола, за которым собирались родственники и друзья, а худая, жеманная женщина встречала в коридоре гостей и сообщала им, что дела у нее лучше все, что она молодая и потому на здоровье не жалуется. И стол, накрытый ею, был почти таким же, как в те дни, когда отец работал, был здоров и получал неплохую зарплату. А хитро нарезанная селедка, колбаса и сыр выглядели так, будто их не от бедности, а от гастрономической изощренности так тонко порезали, так замысловато разложили по тарелкам.

Я смотрел на эти тарелки и думал, что всей гордости, всей изворотливости Аси Александровны надолго не хватит. Но подходил новый праздник, и все повторялось, и я, так и не полюбив Асю Александровну, стал уважать ее и удивляться ей. Я вспомнил истории, которые мне и ней рассказывали и которые она сама рассказывала. Эти истории и раньше волновали меня, но я как-то не связывал их с самой Асей Александровной, потому что не любил ее.

В тридцать седьмом году ее первого мужа арестовали прямо на работе, а домой к нему нагрянули с обыском. Ася Александровна, тогда еще девчонка, ходила по разгромленной обыском квартире, кокетливо улыбалась обыскивающим и пыталась увести их от шкафа, в котором лежал незарегистрированный пистолет мужа, оставшийся с гражданской войны. «Здесь мое белье, мои вещи, – говорила Ася Александровна тому, из обыскивающих, который был повежливее, – разрешите, я заберу их». И, присев перед шкафом на корточки, чувствуя на своем затылке недоверчивый взгляд одного из обыскивающих, спрятала под нижнюю резинку рейтуз незарегистрированный пистолет мужа.

После обыска она сразу же отправилась к прокурору и ходила к, нему каждый день, добиваясь, чтобы ей сообщили, где ее муж, чтобы дали свидание с ним. Прокурор

Ася Александровна. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru сказал ей, что муж ее – враг народа, но она ни на минуту, не поверила ему.

Перед войной председателя горисполкома, больного, выпустили на волю. В сорок первом году они вместе с Асей Александровной были в числе последних гражданских, покидавших город. Через Днепр переходили в сильную бомбежку, бомбы рвались так близко от моста, что брызги казались осколками, ранящими лицо, а вода, стекавшая по щекам, – кровью. Как многие тогда, они оказались в тылу у немцев, долго скитались по деревням, пока под Ростовом, откуда Ася Александровна родом, не попали в облаву. Мужа Аси Александровны, исхудавшего, заросшего черной бородой, горбоносого, полицаи посчитали евреем, избили и арестовали. Асю Александровну задерживать не стали, но она сама пошла за проволоку. Ночью их в крытой машине повезли в Ростов. Под Батайском машина попала под сильную бомбежку нашей авиации, и тут произошло то, чего Ася Александровна до сих пор по-настоящему не может объяснить: шофер остановил грузовик, открыл дверцы кузова и ушел. Не веря в свое счастье, люди выпрыгивали и бежали в темноту. И только избитый и больной муж Аси Александровны не в состоянии был убежать. Он требовал, чтобы Ася Александровна ушла, но она осталась. Вернулся к машине шофер, не заглядывая в кузов, захлопнул дверцы. Пустая машина двинулась. Муж Аси Александровны прислушивался к тряске: «Едем по грейдерной... по асфальту». Где-то в городе грузовик остановился, шофер выпрыгнул из своей высокой кабины – машина качнулась, – открыл кузов и осветил его фонариком. Увидев Асю Александровну и ее мужа, он выругался и стал показывать рукой: «быстрее, быстрее!» Потом забрался в кузов, подхватил мужа Аси Александровны под руки и поволок его к выходу. Когда вылезли наружу, Ася Александровна увидела, что грузовик стоит рядом с полуразрушенным домом, улица пустынна, никаких признаков охраны. Еще не смея верить своей догадке, она стала благодарить шофера, он отмахнулся и показал на парадное полуразрушенного дома. Вдвоем они отнесли мужа Аси Александровны туда, и немец, еще раз осмотрев кузов, уехал. Кто он был, почему так поступил, Ася Александровна не знает. Ей только показалось, что немец этот не немец: выругался он не то по-чешски, не то по-польски.

Когда на следующий день, договорившись с музыкантами и добыв ковровые дорожки, я пришел к отцу, в комнате уже было полно народу. В коридоре и комнате пахло холодом, улицей – дверь на лестничную клетку давно была распахнута. Осторожно раздвигая чьи-то спины, я протолкался к Асе Александровне, отдал ей ковровые дорожки, сказал, что оркестр скоро будет. Увидев меня, она, точь-в-точь как вчера, всплеснула руками и, словно я мог и не прийти и будто бы ночью мы не договорились с ней обо всем, запричитала:

– Как хорошо, что ты пришел! Такое у нас с тобой горе! Такое большое горе!

К нам обернулись, вокруг меня почтительно потеснились какие-то незнакомые мужчины и женщины, з знакомые и малознакомые стали подходить здороваться. Малознакомым – их она мне когда-то уже представляла – Ася Александровна говорила:

– Это сын Петра Николаевича. Ночью из Москвы прилетел к отцу.

Она как бы хвасталась мною, тем, что у ее умершего мужа такой рослый, здоровый сын. Распахнутая на лестничную клетку дверь, обилие провожающих и это хвастовство были частью ритуала, задуманного ею, и я не возражал.

Часов в одиннадцать во двор въехал грузовик, шофер поднялся наверх, и все засуетились. В комнате что-то натянулось. Начали выносить и устанавливать в кузове стулья, понесли цветы украшать грузовик. Кто-то, став на табуретку, старался открыть давно не открывшуюся вторую половинку двери. Запор, плотно засевший в своем гнезде, не поддавался, потребовался молоток, наконец дверь распахнулась, и тут закричала Ася Александровна. Она закричала так страшно, что другие женщины даже не ответили ей. Ее подхватили под руки, повели к соседям. Там она упала на пол, билась у меня на руках.

Господи, насколько эта женщина была сильнее меня в любви к отцу! И как повезло ему заручиться ее верностью! С тех пор, как я понял, что мой отец не лучший из людей, я ничего прощал ему: ни детские, ни взрослые обиды. Она простила ему старческую беспомощность, беду, которую он взвалил на ее плечи, его тяжелый характер, угасающий разум, саму смерть. Ведь и женился он на ней когда уже чувствовал, что война – это была третья большая война на его веку – совсем лишила его здоровья, убила его.

Ася Александровна. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru

И первому мужу Аси Александровны повезло повстречаться с ней. И мне повезло повстречаться с ее верностью, пусть даже обращенной не на меня.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://seminvitaly.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!